УДК 904

ПОПЫТКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕПРЕССИЯМ 30-Х ГОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Шамхалов Ш.Ш., Акимова А.А.

Дагестанский государственный технический университет, Махачкала, e-mail: shamil@mail.ru

В статье на основе фактического материала и мемуарной литературы показаны попытки организации противодействия репрессиям в Дагестанской республике в 1937 г. Отмечено, что, несмотря на объективные сложности процесса противодействия репрессиям, такие попытки были, в качестве примера приведена деятельность А.Д. Даниялова. Названы имена репрессированных членов ВКП (б): Шанавазов А., Ибрагимов Д., Ибрагимов Х., Алиев А., Гаджиев Р., Мамедбеков К.Г. и др. Показана политическая активность простых рабочих и работников сельского хозяйства. Отмечено, что противодействия репрессиям в республике были незначительными. Руководители партийных и советских органов почти не оказывали сопротивления фактам нарушения законности. Этому способствовала ликвидация независимых контрольных органов партии и вывод органов внутренних дел из-под контроля партии.

Ключевые слова: репрессии, политбюро, оппозиция, режим личной власти, зиновьевцы, троцкисты, террор, обком, реабилитация, враг народа, партия

THE ATTEMPTS TO COUNTERACT THE REPRESSIONS OF 30TH YEARS IN DAGESTAN REPUBLIC

Shamkhalov S.S., Akimova A.A.

Dagestan state technical university, Makhachkala, e-mail: shamil@mail.ru

It is showed the attempts of organization to counteract the repressions in Dagestan Republic on the basis of factual materials and memoir literature in 1937 in this article. It is noted that, despite the objective complexity of countering repression, such the attempts have taken place as an example, the activity by A.D. Daniyalov. It is called the names of the repressed members of All-Russian Communist Party of the Bolsheviks such as Shanavazov A., Ibragimov D., Kh. Ibragimov, Aliyev A., Hajiyev R., Mamedbekov K.G. and e.t. It is showed the political activity of ordinary workers and agricultural workers. It is noted that the countering the repression were insignificant in the republic. The leaders of the party and government bodies almost offered no resistance the law. It is contributed the the elimination of independent monitoring bodies of the party and the conclusion of the internal affairs under the control of the party.

Keywords: the repressions, politburo, opposition, counterrevolution, personal regime, the Zinovievists, the Trotskyists, terror, regional committee, rehabilitation, national enemy, party

Установление советской власти, новая экономическая политика, культурная революция, коллективизация – все эти кардинальные изменения не могли не отразиться на состоянии общества. Социальные, политические и экономические реформы, проводимые советской властью, воспринимались далеко не однозначно, вызывали протест, выливавшийся в пассивное и активное сопротивление многим мероприятиям государственных органов власти [4]. Первые попытки противодействия режиму личной власти, командно-административной системе управления в стране делались вскоре после смерти В.И. Ленина. На XIV съезде партии (декабрь 1925 г.) секретарь Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома партии Залуцкий П.А., один из активных деятелей новой оппозиции, выступил с резкой критикой политики Генерального секретаря ЦК И.В. Сталина. В заявлении, направленном им 21 октября 1927 г. в адрес Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), он писал: «Сталин И.В. нарушает ленинские нормы партийной жизни и руководство партией, взял курс на устранение от руководства партией и страной коммунистов, которые с Лениным В.И. создавали эту партию и строили социализм». Далее в заявлении он обвинил Сталина И.В. и его соратников в поддержке чиновников и считал, что «этот аппарат готов пойти на все ради сохранения своих привилегий». «В стране, – писал он, – преуспевает безыдейное ловкачество, стяжательство и угодничество, а все партийно правильное, талантливое, сильное, яркое отметается».

В 1932–1933 гг. попытки противодействия репрессиям были предприняты и бывшим ответственным секретарем Дагестанского обкома партии (1922–1923 гг.), позднее работавшим секретарем Краснопресненского райкома партии г. Москвы (1928 г.) Мартемьяном Никитовичем Рютиным. Им критиковалось тяжелое экономическое положение страны, допущенные перегибы в вопросах индустриализации и коллективизации, он выступал за необходимость демократизации внутрипартийной и государственной жизни. Для восстановления пролетарской диктатуры, демократизации партийной и государственной жизни,

выхода страны из экономического кризиса им предлагалось сместить И.В. Сталина с поста Генерального секретаря ЦК партии. 2 октября 1932 г. Объединенный Пленум ЦКК ВКП(б) исключили из партии членов группы Рютина-Слепкова всего 24 человека, а Рютин М.Н. был приговорен к расстрелу. Однако этому воспротивились Киров С.М., Орджоникидзе Г.К. и Куйбышев В.В., и смертный приговор был заменен десятью годами тюремного заключения. 10 января 1937 г. Военной коллегией Верховного суда Рютин М.Н. был приговорен к расстрелу. Единственным из членов ЦК, кто заступился за Рютина, был Орджоникидзе Г.К., но и его не стало через месяц после вынесения приговора Рютину [3].

Значительным событием в жизни партии и государства был XVII съезд партии, проходивший 26 января–10 февраля 1934 г. С речами покаяния, с опровержением своих оппозиционных платформ на съезде выступили Бухарин Н.И., Рыков А.И., Томский М.П., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б., некоторые из исключенных были восстановлены в рядах партии. Однако убийство 1 декабря 1934 г. Кирова С.М. вызвало большой резонанс среди руководства государства. Было принято постановление ЦИК Союза ССР «О внесении изменений в действующие УПК союзных республик», согласно которым на расследование и рассмотрение дел о террористических актах против руководящих работников партии и государства отводилось не более 10 дней. [5] Эти и другие законы способствовали резкому усилению режима личной власти. Начавшиеся вскоре репрессии против интеллигенции, партийных и государственных деятелей подтвердили это, но в 1935 и в 1936 гг. они не были столь масштабны, как в 1937 г.

Попытка притормозить репрессии в системе Наркомата тяжелой промышленности в конце 1936 г. – в начале 1937 г. была сделана его наркомом Г.К. Орджоникидзе. В докладе Молотова В.М. на февральско-мартовском 1937 г. Пленуме ЦК ВКП(б) (Пленум состоялся после смерти Орджоникидзе) говорилось о вредительской работе в Наркомтяжпроме, в первую очередь, обвинялся Пятаков Ю.Л. – заместитель наркома, проработавший более 12 лет в этой отрасли. «Он был главным организатором вредительско-диверсионной работы преступной шайки в тяжелой промышленности» [2]. В республике шли те же процессы, что и в стране. Так, в 1935 г. республиканские газеты много писали о вредительстве при строительстве завода «Двигатель» Наркомтяжпрома СССР (ныне завод «Дагдизель»). Только в 1936 г. со строительства было уволено около 400 рабочих и служащих, в их числе 70 инженерно-технических работников, направленных в республику в начале 30-х годов из Москвы, Ленинграда и других городов страны. По сообщению Наркома внутренних дел ДАССР Ломоносова В.Г., «с завода были удалены кулацко-белогвардейские элементы до 1000 человек» [6]. Были арестованы начальник строительства Урицкий С.Б., главный инженер Благовещенский, инженер-металлург Можеев И.В., прораб Монастырский Е.П., инженер Людов Н.И., редактор заводской газеты «Даешь двигатель» Телегин С.Г. Эти аресты продолжались и в последующие годы, особенно после арестов руководителей республики: Самурского Н., Далгат М., Мамедбекова К. (октябрь 1937 г.). Были арестованы первый секретарь Двигательстроевского райкома партии Феодаев З.Г.-Г., главный конструктор Малышев И.Г., главный механик Надкоп В.Ф., начальник ОТК Неженцев Ф.А., заместитель директора по строительству Пога К.К., заместитель директора завода Лещинский Г.Г., начальник цеха Требилов А.М., начальник отдела кадров Голод А.Р., наконец, директор завода Равикович Е.М. [7].

Впервые о наличии в республики противодействия в реализации решений февральско-мартовского (1937 г.) Пленума ЦК партии со стороны первого секретаря Дагестанского обкома партии Самурского Н. написал еще в 1988 г. профессор А.Г. Агаев в своей статье «Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия» [2]. В указанной статье и в последующих публикациях автора сделаны выводы о сопротивлении Самурского Н. репрессиям, на том основании, что Самурский Н. «в конце февраля – начале марта 1937 г. участвовал в работе Пленума ВКП (б), где Сталин И.В. выступил с докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». По приезду из Москвы Н. Самурский не хотел выступать с докладом, видимо понимая несостоятельность взятого курса, затягивал обсуждение материалов Пленума ЦК в областной партийной организации [1].

Обсуждение материалов февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) в партийных организациях Северо-Кавказского края, в том числе и Дагестана, по-настоящему началось после пленума крайкома партии, посвященного итогам пленума ЦК, который состоялся с 14 по 19 марта 1937 г. По решению Пленума крайкома партии партийным организациям было рекомендовано проводить активы партийных

организаций с повесткой дня: «Итоги февральско-мартовского (1937 г.) пленума ЦК и задачи партийной организации». Такие активы в партийных организациях проходили начиная с последней декады марта и в течение всего апреля месяца 1937 г. Стоит отметить, что определенные попытки защитить руководителей республики, членов Бюро Обкома партии делались на заседаниях бюро неоднократно. Деятельность самого Бюро Обкома партии испытывала сложности, так как существовали напряженные отношения между его членами: первым и вторым секретарями обкома партии: Самурским и Сорокиным, а также первым секретарем и председателем Совнаркома: Самурским и Мамедбековым. Об этом пишет и в своих воспоминаниях А.Д. Даниялов: «В парторганизации процветало подхалимство, угодничество, лихорадила групповая борьба, которая отрицательно влияла на работу, она калечила кадры, создавала обстановку нервозности…» [1]. Это создавало благоприятную почву для нарушения законности и репрессий. В сентябре 1936 г. в Дагестанском областном комитете партии было начато расследование дела об «очковтирательских» сведениях по севу и подъему зяби, подготовленных заведующим сельскохозяйственным отделом обкома партии Колесовым Н.П. и наркомом земледелия ДАССР Саидовым Д.С. для рапорта в ЦК ВКП(б) и в Северо-Кавказский крайком партии.

В отсутствие Самурского Н. член бюро обкома партии, председатель Совнаркома ДАССР Мамедбеков Г.Г. 6 октября 1936 г. без обсуждения на бюро направил эти сведения в Краевой комитет партии. Назначенная Северо-Кавказским краевым комитетом партии комиссия под руководством его представителя Кравцова подтвердила эти факты. «Очковтирательские сведения» стали предметом обсуждения на трех заседаниях бюро обкома партии: 9, 11 и 17 февраля 1937 г., которые закончились исключением Колесова Н.И. и Саидова Д.С. из партии, снятием их с работы с последующим привлечением к уголовной ответственности [1]. Вернувшись из Москвы и ознакомившись с решениями бюро обкома партии от 9 и 11 февраля 1937 г., Самурский Н., недовольный принятыми решениями в его отсутствие, назначил новое заседание бюро обкома партии по поводу составления очковтирательских сведений по озимому севу и подъему зяби на 17 февраля. На бюро обкома партии, после длительных дебатов, он не смог защитить Колесова Н.П. и Саидова Д.С., в связи с наличием неопровержимых фактов приписок и вынужден был согласиться с предыдущими решениями бюро обкома партии. Изменения были внесены только в части, касающейся заместителя заведующего сельхозотделом обкома партии Иванова. Пункт о его наказании был снят. Однако решением бюро обкома партии от 7 марта 1937 г. он все же был освобожден от должности и направлен на работу в Дагконсервтрест [1].

Член бюро обкома партии, нарком земледелия ДАССР Даниялов А.Д. на заседаниях бюро неоднократно выступал против исключения из партий коммунистов, доказавших свою верность советской власти, работавших в ее пользу со времен ее установления. Среди них Шанавазов А., Ибрагимов Дауд и Ибрагимов Хайрулла, Алиев Асадула, Гаджиев Расул и др. Большая дружба связывала Даниялова А.М. с Мамедбековым К.Г. и Шарапиловым М. При исключении из партии Мамедбекова К.Г. 27 сентября 1937 г. на заседании бюро обкома партии Даниялов А.Д. отсутствовал. Он находился в длительной командировке в Москве по вопросам сельского хозяйства. По его словам, окажись в это время на заседании бюро, возможно, и выступил бы против его исключения. Даниялов А.Д. предполагал, что Нажмудин Самурский специально командировал его в Москву, чтобы предотвратить его нежелательное выступление и тем самым сохранить его в партии [1]. При обсуждении вопроса о министре здравоохранения ДАССР Кумаритове М. Даниялов А.Д. выступил в его защиту и голосовал против исключения его из партии. Несмотря на это, через несколько дней после заседания бюро обкома партии он был арестован, а в декабре 1939 г. судом был оправдан. Особо следует сказать об атмосфере исключения из партии заместителя председателя Совнаркома ДАССР Гитинова Магомеда. С большой любовью и уважением как к старшему товарищу Даниялов А.Д. относился к нему. Когда стало известно, что вопрос о партийности Гитинова М. будет рассмотрен на бюро, Даниялов А.Д. потребовал от Сорокина М.Ф. персональное дело для ознакомления. Второй секретарь Обкома ВКП (б) Сорокин М.Ф. в категоричной форме отказал Даниялову А.Д. в представлении дела Гитинова М. Сорокин заявил, что «Гитинову М. предъявлено обвинение в буржуазном национализме». В ответ на это Даниялов А.Д. ему сказал: «Гитинов М. такой же буржуазный националист, как я китайский император». Однако его слова не были учтены. На заседании бюро обкома партии 23 октября 1937 г. Гитинов М. был исключен из рядов ВКП (б) с формулировкой: «Как смыкавшегося с врагами

народа – буржуазными националистами, потворствовавшего их вражеской работе, саботировавшего выполнение важнейших решений партии и правительства, засорявшего аппараты учреждений классово-враждебными элементами, имеющего тесную связь со своим тестем – муллой, служившего в белой армии» [6]. Через 2 дня после заседания бюро обкома партии он был арестован и в декабре 1939 г. осужден на 15 лет ИТЛ.

Попытки противодействовать репрессиям против высших должностных лиц государства в республике были сделаны и рядовыми коммунистами при обсуждении закрытого письма ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока» (июль 1936 г.) в Каясулинской районной партийной организации в сентябре 1936 г. Судебный процесс по делу о террористической деятельности блока проходил с 19 по 24 августа 1936 г. Приговором Военной коллегии Верховного суда СССР были расстреляны 16 человек, в том числе Каменев Л.Б., Зиновьев Г.Е., Мрачковский С.В. и другие. Выступая на собрании актива районной партийной организации, помощник бухгалтера Каясулинской МТС Сирота заявил: «Бухарин – умнейшая личность у нас в Союзе. Во время коллективизации, если бы послушались Бухарина, то не умерло бы с голоду 37 тыс. человек... Это оппозиция (Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и др.) возмущена положением, что везде и всюду, при каждом моменте восхваляют Сталина». В своем выступлении сторож совхоза № 7 того же района Сергеев заявил: «Все эти троцкисты – заслуженные люди, боролись в свое время за революцию. По-моему, высшую меру наказания им давать не следует» [6]. При голосовании резолюции актива за расстрел Сергеев воздержался. Сразу же после окончания собрания актива Сирота и Сергеев были арестованы и на них были заведены уголовные дела.

Такие факты противодействия репрессиям наблюдались в работе Кизлярской районной партийной организации. На собрании рабочих совхоза «Пролетарий» во время проработки материалов судебного процесса над троцкистско-зиновьевским центром в декабре 1936 г. рабочий совхоза Заславский выступил в защиту Зиновьева Г. и высказался против применения для него высшей меры наказания, как имеющему большие заслуги перед государством [6]. Этот факт попытки противодействия репрессиям в Кизлярской районной партийной организации рассматривался руководством Дагестанского обкома партии совместно с органами НКВД, закончившийся разгромом районной партийной организации.

Отдельные партийные организации республики в письмах и заявлениях в ЦК ВКП(б), Сталину В.И. выражали недовольство по поводу проводимой политики, необоснованных арестов и исключений из партии. В письме супруги заведующего сельхозотделом Дагобкома партии Колесова Н.П. Каролины Колесовой Сталину В.И. сообщалось, что «преданные всей душой партии люди, работающие не щадя своих сил, активно боровшиеся со всякими уклонами и двурушничеством, за совершенную ошибку в работе возводятся в степень злейших врагов Родины, ставятся на одну доску с вредителями и троцкистами». [7]

Бывший заведующий отделом обкома партии Шовкринский Ю.Н. в письме ЦК ВКП(б) председателю Партколлегии в мае 1939 г. писал: «Где же великий Сталин? Неужели вы верите нашим вынужденным показаниям, добытым под поркой, под палкой?» [6].

В ряде писем в адрес руководителей страны, органов внутренних дел и прокуратуры репрессированные ставили вопрос резко, требуя их реабилитации и снятия ярлыков буржуазных националистов, троцкистов и врагов народа.

Дважды осужденная: в 1937 г. и в декабре 1948 г. по ст. 58 – известный революционный и общественный деятель Дагестана Тату Булач 25 июня 1954 г. писала генеральному прокурору СССР: «Прошу Вас направить мое дело на пересмотр в Верховный суд, чтобы судебным приговором было отменено неправильное постановление ОСО («особое совещание»), по которому много лет, будучи невиновной, провела в изоляции, а теперь несколько лет нахожусь на ссылке в Сибири в тяжелом для моего здоровья климате, оторванная от родных, чтобы, наконец, я, много лет своей жизни отдавшая партии за счастье своей Советской Родины, была реабилитирована и восторжествовала бы по моему делу законность и правда» [7].

Подводя итоги противодействия репрессиям в республике необходимо отметить, что если они и были, то были незначительными. Руководители партийных и советских органов по существу не оказывали сопротивления фактам беззаконий со стороны карательных органов. Этому способствовала ликвидация независимых контрольных органов партии и тем самым выход органов внутренних дел из-под контроля партии. Проводимые тогда партийными органами конференции и пленумы, собрания и активы свидетельствовали

о пассивной позиции с их стороны проводимым репрессиям. В то же время, следует также отметить, что разоблачительные акты органов НКВД республики не всегда проходили гладко, находились и те, кто выступал с критикой решений органов власти, те, кто сомневался в справедливости выносимых решений.

Список литературы

1. Абдурахман Даниялов ученый, государственный и общественный деятель Дагестана (Документы, фотографии, воспоминания его и о нем). – Махачкала: «Юпитер», 2000. – С. 8, 123, 124, 309, 310, 312.

2. Агаев А.Г. Беззакония 30-х годов: истоки, механизмы, последствия // Советский Дагестан. – 1988. – № 2. – С. 12, 20, 21.

3. Какагасанов Г.И. Мартемьян Никитович Рютин // Блокнот агитатора и политинформатора. – Махачкала, 1988. – № 17. – С. 19.

4. Кидирниязов Д.С., Лысенко Ю.М. Социальные противоречия в дагестанском обществе в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. и мусульманское духовенство // Исламоведение. – Махачкала, 2012. – № 2. – С. 38.

5. Молотов В.М. Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецких агентов // Большевик. – 1937. – № 8. – С. 23.

6. Репрессии 30-х годов в Дагестане. (Документы и материалы). / Отв. ред. А.И. Османов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1997. – С. 7, 8, 11, 31, 112, 106.

7. Шамхалов Ш.Ш. Тридцатые годы в судьбах дагестанской интеллигенции: истоки, механизмы и последствия репрессий. Дисс…к.и.н. – Махачкала, 2002. – С. 58, 60, 63.

References

1. Abdurahman Danijalov uchenyj, gosudarstvennyj i obshhestvennyj dejatel Dagestana (Dokumenty, fotografii, vospominanija ego i o nem). Mahachkala: «Jupiter», 2000. pp. 8, 123, 124, 309, 310, 312.

2. Agaev A.G. Bezzakonija 30-h godov: istoki, mehanizmy, posledstvija // Sovetskij Dagestan. 1988. no. 2. pp. 12, 20, 21.

3. Kakagasanov G.I. Martemjan Nikitovich Rjutin // Bloknot agitatora i politinformatora. Mahachkala, 1988. no. 17. pp. 19.

4. Kidirnijazov D.S., Lysenko Ju.M. Socialnye protivorechija v dagestanskom obshhestve v konce 20-h nachale 30-h gg. HH v. i musulmanskoe duhovenstvo // Islamovedenie. Mahachkala, 2012. no. 2. pp. 38.

5. Molotov V.M. Uroki vreditelstva, diversii i shpionazha japono-nemeckih agentov // Bolshevik. 1937. no. 8. pp. 23.

6. Repressii 30-h godov v Dagestane. (Dokumenty i materialy). / Otv. red. A.I. Osmanov. Mahachkala: IIAJe DNC RAN, 1997. pp. 7, 8, 11, 31, 112, 106.

7. Shamhalov Sh.Sh. Tridcatye gody v sudbah dagestanskoj intelligencii: istoki, mehanizmy i posledstvija repressij. Diss…k.i.n. Mahachkala, 2002. pp. 58, 60, 63.

Рецензенты:

Искендеров Г.А., д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала.